

МИЛА ГЕЙБАТОВА

16+

ДВОЕ ИЗ ЛАРЦА...
для бывшего

Мила Гейбатова

Двое из ларца... для бывшего

«Автор»

2022

Гейбатова М.

Двое из ларца... для бывшего / М. Гейбатова — «Автор», 2022

– Света! Костя! – беспомощно кричу. – Вы не видели мальчика и девочку примерно такого роста. Они похожи, как две капли воды, двойняшки. Но прохожие лишь качают головами и возвращаются к своим детям. Бегу дальше по скверу и, наконец, вижу своих сорванцов.– Вот вы где! Нельзя убегать, мы же договаривались! – подлетаю к детям, ловлю их и целую по очереди в макушку.– Марина? – доносится сбоку. Поднимаю глаза, а там он... Отец моих кровиночек, с которым мы ни в коем случае не должны были встретиться. Он был моей первой любовью. Мы мечтали пожениться и сбежать ото всех. А в итоге я сбежала одна. Беременная и преданная...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	7
Глава 3	9
Глава 4	11
Глава 5	13
Глава 6	15
Глава 7	17
Глава 8	19
Глава 9	21
Глава 10	23
Глава 11	25
Глава 12	27
Глава 13	29
Глава 14	31
Глава 15	33
Глава 16	35
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Мила Гейбатова

Двое из ларца... для бывшего

Глава 1

Шесть лет назад

Несусь домой абсолютно счастливая. Диплом защищен на отлично, и причина моего недомогания найдена! Конечно, странно, что плохо мне было так долго, ведь судя по анализу крови срок совсем крохотный.

Но да ладно, главное, Марк обрадуется. Я надеюсь. Ведь мы не обсуждали беременность, но оба понимали, что она может наступить. И теперь—то мы точно уедем в другой город, сбежим еще дальше, как планировали.

Тихой мышкой захожу в дом родителей Марка. Мы съехали отсюда с месяц назад, но до сих пор не забрали все наши вещи. Мне всегда было неуютно здесь, но Марк настаивал, надеялся, что его родители свыкнутся с выбором сына. Но чуда не произошло.

Днем никого не должно быть дома, но я все равно крадусь на цыпочках в нашу бывшую комнату. Заберу оставшееся, оставлю ключи на столе и больше не переступлю порог этого дома.

– Мариночка, здравствуй, – позади раздается голос человека, которого я хотела бы никогда больше не видеть.

– Э, Владислав Германович, день добрый, – киваю. – А я за вещами пришла, хотела забрать оставшееся и ключи вернуть.

– Конечно, милая, это твое право, – мужчина приторно улыбается. – Ты иди, а я пока чаю нам налью.

Хочу отказаться, моя интуиция истошно вопит, чтобы я этого не делала, но я, конечно, соглашаюсь. Марк будет счастлив, если мы с его отцом сумеем создать видимость мира.

Быстро кидаю вещи в рюкзак и спускаюсь в столовую. Мои будущие свекры – люди состоятельные. Это основная причина, по которой я им не угодила. Высочка без роду и племени, с первого курса предоставленная самой себе и полагающаяся только на свои силы.

– Забрала, спасибо, – произношу, беря кружку из рук Владислава Германовича.

– Отлично, – он снова приторно улыбается, помешивая свой чай. – Ты сегодня диплом защитила, да?

– Ага, на отлично, – киваю.

– Умница. Всегда знал, что мозги у тебя есть. Да ты пей!

Хочу возразить, ведь он раньше называл меня пустоголовой профурсеткой, охмулившей его сына, но почему—то повинуюсь приказу и делаю глоток. Напиток обжигает и слишком сладкий для меня. Но я молчу, не хочу оскорблять мужчину, который чуть ли не впервые пытается вести себя со мной по-человечески.

– А как ваши дела? Как поживает Роза Витальевна? – решаю поддержать светский разговор.

Будущая свекровь в отличие от свекра не кидалась оскорблениями, в основном сохраняла нейтралитет, иногда проявляя участие. Например, озаботилась подарком на мой день рождения. Помогла мне преобразиться в ее салоне красоты, а потом безвозмездно обновила мой гардероб.

Возможно, Роза Витальевна делала это из корыстных побуждений, так как ей было стыдно за меня, но она ни разу не сказала ничего дурного в мой адрес. И за это я была ей благодарна.

– Все хорошо, Мариночка, все хорошо, – отвечает Владислав. – Да ты пей, после диплома устала, поди.

Снова делаю машинальный глоток и чувствую горечь на языке. Странный чай.

– Спасибо, но я, наверное, пойду, – пытаюсь поставить кружку и выйти. – Марка хочу обрадовать. Загляну к нему в офис.

– О, он еще не знает, ясно, – произносит Владислав, едва поджав губы при упоминании места работы его сына. Ведь он хотел для него другого, чтобы наследник был в корпорации отца. – Собираешься сделать ему сюрприз, хорошая затея. Лучше расскажи, о чем был твой диплом, интересно ведь.

Делаю круглые глаза. Ему точно никогда не была интересна моя жизнь. Но тут на столе вибрирует телефон Владислава, сообщая о полученном сообщении. Он быстро просматривает его, а потом заговаривает.

– Что ж, ладно, раз спешишь, не буду задерживать, – меняет он вдруг курс.

Я же, ничего не понимая, ставлю кружку на стол и прощаюсь.

В маршрутке у меня начинает ужасно болеть голова, перед глазами появляются черные мушки, а к горлу подступает тошнота. Буквально вываливаюсь из переполненного автобуса на воздух и жадно дышу, широко открыв рот.

Немного легчает, и я шагаю в сторону офиса Марка. Там в холле есть кулер с холодной водой, мне обязательно полегчает.

Но вода не помогает, и я обреченно подхожу к кабинету любимого. Дверь в него приоткрыта, и я почему-то не захожу сразу, а смотрю в образовавшуюся щель и слушаю чужой разговор.

– Марк, сколько еще ты будешь вместе с этой своей заучкой?! Ты хоть понимаешь, что разбиваешь сердца своих родителей! – эмоционально восклицает красивая брюнетка в свободном платье.

– Жанна, если тебя прислали в качестве переговорщика, то зря стараешься, – холодно отвечает Марк, почему-то стоя совсем рядом с девушкой.

– Я скучаю по тебе, – она проводит рукой по его лицу, – невозможно скучаю.

Я ахаю, едва успевая закрыть рот ладонью.

– Давай не будем, Жанна, – Марк аккуратно убирает руку девушки, – мы с тобой прекрасные друзья и любовники, но Марину я люблю, а к тебе я никогда не испытывал подобных чувств.

– Понимаю, Марк, – брюнетка тяжело вздыхает, как будто собирается с мыслями, – но есть кое-что, что ты должен узнать, – она берет ладонь Марка и кладет себе на живот, – я беременна.

В ужасе отшатываюсь назад. Мне хватает секундного замешательства любимого, мелькнувшей в его глазах радости и размера живота Жанны, чтобы сложить два и два.

Глава 2

Разворачиваюсь на пятках и шагаю обратно к выходу. Кто-то из сотрудниц Марка мне что-то говорит, я не понимаю, не слышу их. Да и какая разница. Мое сознание поглотила только что увиденная картинка.

– Девушка, с вами все хорошо? Может, присядете, воды принести? – слова охранника на выходе просачиваются–таки в мой мозг.

– Что? Вы мне? – верчу головой.

– Вам, вам, – произносит обеспокоенный мужчина.

Вспоминаю свое намерение попить воду в офисе Марка, но кулер остался позади.

– Знаете, не надо, спасибо. Странно, но мне вдруг стало хорошо, – отвечаю охраннику и выхожу на улицу.

Я не лгу, самочувствие действительно резко наладилось. Физическое. Душевное, наоборот, рухнуло в пятки.

Иду куда-то, не разбирая дороги, и все думаю, думаю, думаю. Вернее, воспроизвожу на повторе только что увиденную сцену. Аналитический ум отказывается выдавать конструктивную критику. Эмоции велят рыдать в голос, а интуиция просит разобраться. Не хочет верить в неотвратимость увиденного. Глупая.

Неправильная у меня интуиция, наивная и повернутая в сторону Марка, не иначе.

– Марина? Не пошла с группой праздновать, чтобы погулять в одиночестве по парку? Понимаю, сам такой.

Поднимаю глаза и в растерянности оглядываюсь. Действительно, ноги привели меня в сквер, а не двор дома, где мы с Марком снимаем квартиру.

И только после осознания местоположения перевожу взгляд на заговорившего со мной человека.

– Дима? Привет, – узнаю одноклассника. – Какими судьбами?

– Марина, вообще–то это городской парк, не твой личный, здесь могут гулять все, – отвечает он шутливо.

– Твоя правда, – киваю. – Ладно, извини, ты наслаждайся прогулкой, а я пойду, настроение что-то не очень.

– Тогда я просто обязан, как настоящий рыцарь, сопровождать прекрасную деву в ее безмолвных страданиях! – заявляет высокопарно Дима.

Смотрю на него, как на дурака. Только глупых шуток мне сейчас не хватает.

– Хочешь, можешь не молчать, можешь рассказать о своих страданиях, я послушаю, – ничуть не смущается он.

Я лишь качаю головой и бреду дальше, опустив голову. А Дима увязывается за мной.

Удивительно, но ему удается вырвать меня из бестолкового просмотра увиденной сцены в кабинете Марка. Постепенно я втягиваюсь в ничего не значащую болтовню, а затем и вовсе обнаруживаю себя сидящей на лавочке с сахарной ватой в руке.

– Спасибо, я, кажется, голодная, – смотрю на сладкое облачко на палочке.

– Вы, девчонки, вечно худеете, а потом обмороки, – заявляет Дима со знанием дела.

– Ага, обмороки, – глухо повторяю.

Через время вата съедена, и разговор совсем перестает клеиться. Я снова ухожу в себя.

– У тебя тут чуть-чуть осталось, – Дима вдруг наклоняется близко–близко ко мне и проводит пальцем по уголку моего рта.

– Спасибо, конечно, но я и сама могу, – отшатываюсь на спинку лавочки. Мне неприятна чужая близость. – Я, пожалуй, пойду. Спасибо за компанию. Да и ты тоже наверняка спешишь.

Пытаюсь встать, но сильные руки парня не дают этого сделать.

– Ничуть, – он качает головой, – я уже там, где должен быть.

И внезапно его губы накрывают мои. От удивления не сразу начинаю вырываться, несколько долгих секунд сижу шокированная в объятиях Димы.

– Д–да, ты в своем уме?! – возвращаю контроль над собой и с силой отталкиваю парня, вскакивая на ноги. – С чего вообще? Никаких намеков не было! Я вообще беременная от другого к твоим сведениям!

– Серьезно? Беременная? Ничего себе, а мне не сказали, – бормочет Дима.

– Почему тебе кто–то должен был сказать?! Ай, ладно, ну тебя, – машу на него рукой и убегаю теперь уже точно домой.

Странную реакцию Димы списываю на его личную неадекватность, которую я попросту раньше не замечала. Все–таки мы впервые общались с ним наедине.

Квартира встречает меня тишиной. Захлопываю дверь и вздрагиваю от громкого звука. Марка еще нет, рано слишком. И я медленно прохожу внутрь.

Рассеянно провожу рукой по рамкам с нашими совместными фотографиями и осознаю, что все было ложью. И только сейчас по моей щеке медленно стекает одинокая слеза.

Яростно вытираю ее и иду пить чай. Нам с Марком предстоит долгий разговор, и я должна к нему морально подготовиться.

Проходит пару часов, и я практически успокаиваюсь, почти убеждаю себя, что в жизни порой случаются недоразумения, и, возможно, это одно из них приключилось с нами. В конце концов, я всегда была за правду и справедливость, а потому не собираюсь молча уходить в сиреневый закат. Дождусь Марка, прижму к стенке, и мы вместе решим, как быть дальше. Решим, как цивилизованные люди, а не как классические герои любовных романов.

Но мне не приходится долго ждать, он звонит, как раз в тот момент, когда я прихожу сама с собой к согласию.

– Алло, – отвечаю, затаив дыхание, и на подсознательном уровне сразу понимаю, что он знает, что я знаю.

–Привет, Марина, – произносит он тяжело. – Поздравляю с защитой диплома. Я с отцом виделся, он мне многое рассказал и показал.

– О, здорово, – киваю, забыв, что он меня не видит, – и спасибо.

– Я сегодня переночую у родителей. Нужно подумать, – произносит отрывисто Марк. – Я все знаю.

–Вообще–то, это я все знаю, – поправляю Марка. Еще у одного проблемы с речью сегодня. – И ты не находишь, что нам нужно поговорить?! Спустишь все вот так, убегая к родителям, от влияния которых мечтал избавиться?!

– Не надо о моих родителях! – произносит Марк зло, чем сильнее удивляет меня. – Марина, – он делает глубокий вдох, – нам лучше не видеться ближайшее время, а не то я за себя не ручаюсь. Ты живи спокойно, квартира оплачено на месяц вперед. Я как–нибудь заскочу, забрать вещи.

– Совсем оборзел? – произношу в шоке. – Ты решил поступить как трусливая задница? Молча сбежать?

– Все, Марин, мне слишком тяжело сейчас.

– То есть ее ребенок важнее моего?! – кричу в телефон в истерике, но меня уже никто не слышит. – Отключился, – произношу сама себе, – он просто отключился и вычеркнул меня из жизни, оставив напоследок подачку в виде платы за квартиру.

Швыряю кружку в стену и оседаю на пол, давясь рыданиями...

Глава 3

После продолжительной истерики я попросту засыпаю до следующего полудня. Давно не вставала так поздно, всегда были какие-то дела.

Бреду понуро на кухню. Один взгляд на устроенный вчера погром, и воспоминания заново накрывают меня, заставляя опереться руками о стол и сделать несколько глубоких вздохов. Нет, так нельзя продолжать.

Завариваю себе кашу и какао, нужно постараться поесть. Усилием воли отправляю ложку себе в рот, подавляя желание выплюнуть еду. Глотаю и перевожу дух. Пью и слегка хлопаю себя по щекам.

Истеричность и излишняя драматичность мне не свойственны, нужно заканчивать с таким неконструктивным поведением. Я теперь не одна, и должна отвечать не только за себя. Справилась, когда осталась без родных, и тут справлюсь.

Но спустить поведение Марка на тормозах я не собираюсь. Нам жить в одном городе, и я не собираюсь прятаться от его дамы сердца и от него самого. Он обязан моей крошке ровно столько же, как и чужой.

Немного воспрянув духом, доедаю и привожу себя в приличный вид. Уснула вчера в чем была, это никуда не годится. Хватаю рюкзак и собираюсь открывать дверь, но кто-то меня опережает, нажимает на звонок.

Глупое я создание, открываю, не глянув в глазок.

– Владислав Германович? Здравствуйте, – вспоминаю о вежливости в последний момент.

– Мариночка, приветствую, – кивает мужчина с улыбкой на губах. – Я зайду?

– Э, – мнусь, – я уходить собиралась.

Снова оставаться с этим мужчиной наедине совсем не хочется. Почему-то рядом с ним внутри меня просыпается безотчетный страх, очень неуютно становится.

– Я много времени не займу, – говорит отец Марка и нагло шагает внутрь квартиры, оттеснив меня плечом. – Проходи на кухню, – звучит приказ.

Да уж, приятный человек. Выдыхаю и иду вслед за ним.

– Чаю не предлагаю, без обид, – становлюсь в дверях кухни и упираю руки в бока, – и я спешу.

Владислав Германович бросает на меня цепкий взгляд, но никак не комментирует.

– Ладно, Марина, тогда сразу к делу, – он вытаскивает из кармана конверт, сложенный вдвое. – Это тебе от Марка. Отступные, так сказать. Ты – девушка умная, практичная, найдешь, куда их потратить.

Тут Владислав косится на мой живот. Тут же неосознанно прикрываю его руками. Он знает? Но это невозможно.

– На что вы намекаете? – спрашиваю осторожно.

– Только на то, что тебе стоит оставить моего сына и переехать.

– Это точно его решение? – подозрительно шурюсь. – Мы так толком и не поговорили вчера! Если от него беременна какая-то Жанна, это не значит, что можно выкинуть меня, как собачку, даже не поговорив! Я не верю, что Марк – инициатор этих денег, скорее вы! И я собираюсь поговорить с ним, – трясущейся рукой роюсь в рюкзаке в поисках телефона, но Владислав Германович перехватывает мою конечность.

– Послушай, девочка, – практически шипит он мне в лицо, – ты не нужна моему сыну, он счастлив с другой! Наконец у него невеста, соответствующая статусу нашей семьи. А ты не будь дурой, не усложняй жизнь ни себе, ни Марку, – видимо, мои мысли отражаются на лице,

потому что он вдруг отпускает мою руку и начинает рыться в карманах. – Вот, смотри! Они вчера ходили на узи, у них все хорошо, не порть им жизнь, девочка.

С болью смотрю на счастливую пару.

– Н–но я, как же я. Я ведь тоже, – произношу, едва сдерживая слезы.

– Ничего, ничего, у тебя все наладится, – говорит участливо Владислав Германович, – ты еще встретишь своего единственного. Присядь, – он мягко толкает меня на диван и отходит к графину, – и выпей воды, – сует стакан, а я машинально делаю глоток. – Скоро жизнь заиграет новыми красками.

Глава 4

Владислав Германович уходит, а я все так и сижу в обнимку со стаканом. Кажется, он что-то еще говорил, прощался, рекомендовал воду выпить до конца, дверь за собой сам закрыл.

Я не реагировала. Возможно, только кивнула. От бывшего собранного настроения не осталось и следа.

Из ступора меня выводит сигнал телефона. Будильник. Напоминание о том, что нужно сдать институтские книги, но я с этим позавчера справилась, забыла с телефона убрать.

Нажимаю на мобильник, а потом с удивлением смотрю на стакан. Не сразу понимаю, откуда он у меня в руках. Передумываю допивать и выливаю. Что мне действительно нужно, так это умыться.

С наслаждением брызгаю холодной водой в лицо и шею, и постепенно приходит ясность сознания. Возвращаюсь на кухню и натыкаюсь взглядом на конверт, оставленный Владиславом. Сажусь рядом и гипнотизирую его, словно тот бомба медленного действия. Хотя кто знает эту семейку, у них всякое может быть.

Не знаю, сколько проходит времени, скорее всего я бы так и сидела, ничего не делая, лишь смотря на «подачку», но у меня начинает невыносимо тянуть живот. Иду в ванную и замечаю...

– Кровь! – шепчу в ужасе.

Ее совсем немного, но достаточно для паники.

И тут снова оживает телефон. На этот раз звонок.

– Алло, – отвечаю дрожащим голосом.

– Марин, ну я иду, ты дома? Мы приехали, но два дня я занималась мелкими, только сегодня оставила их на бабушек и могу наконец-то отдохнуть с тобой.

«Маша», – проносится в голове узнавание.

Моя лучшая и, пожалуй, единственная подруга. Мы росли в одном дворе и были практически, как сестры. Потом она вышла замуж и уехала в другой город. И вот, приехала, а у меня тут...

– Машенька, я, – не могу сдержать всхлипа, – я, наверное, не смогу.

– Что случилось? – сразу настораживается подруга.

– Ой, – выдыхаю, – много всего, – и понимаю, если продолжу, то банально разрыдаюсь в голос. – Может, я тебе попозже перезвоню? – с трудом выдавливаю из себя.

– Не стоит. Открывай дверь, лечить тебя будем. Я поднялась, – отвечает Маша с мрачной решимостью.

Дальнейшее происходит как в тумане. Мне становится хуже, но я уже не понимаю, то ли от боли душевной, то ли от физической. Маша не требует подробных рассказов, лишь задает несколько наводящих вопросов и вызывает врача.

Удивительно, но они приезжают. Я – то думала, что скорая нужна для тех, кто не в состоянии сам дойти, а у меня не столь тяжелый случай. По крайней мере я пытаюсь убедить себя в этом.

Врач забирает меня в больницу, Маша, к счастью, едет со мной. Мне кажется, я даже свое имя не в состоянии назвать сейчас. Такое ощущение, что внутренний заряд потух до нуля, и не к чему подключиться для перезарядки.

В больнице меня осматривают, что-то спрашивают, колют, а потом внезапно оставляют. Маша вроде не уходит, но и ко мне не подходит, разговаривает с кем-то.

Туман рассеивается вечером, как по щелчку. Мне гораздо лучше, но главная причина, по которой я прихожу в себя, это неожиданные слова врача.

– Если вы хотели прервать беременность, то стоило это делать под наблюдением врача, – говорит она укоризненно.

– В смысле? Я не хотела ничего прерывать, я только вчера поняла, что беременна.

– Тем не менее, милочка, в вас явно попало вещество, ее прерывающее. Правда, в небольшой концентрации. Решили, что и этого хватит? Или передумали в последний момент? – врач не верит. – На той неделе у меня была одна такая, сама себе выписала чудосредство. Там все закончилось не так хорошо, как у вас, она добилась своего.

– Да не делала я ничего! – срываюсь на крик, чем заслуживаю еще один укоризненный взгляд. – Извините.

– Скажите, – вмешивается Маша, – сейчас ребёнку ничего не угрожает, или?

Вопрос виснет в воздухе, и я, затаив дыхание, жду ответа.

– Нет, не угрожает, – говорит доктор, поджав губы. – Но если она второй раз решит сотворить какую-то глупость, я уже не буду уверена.

– Спасибо вам, – тепло улыбается ей Маша, – огромное. Я присмотрю за Мариной. Вы ее еще поддержите ведь, да?

– Конечно! Мы должны помогать всем, независимо от их тараканов в голове, – произносит врач и выходит.

– Маша, я ничего не принимала! Она ненормальная! – говорю, едва закрывается дверь.

– Я верю тебе. Но давай ты расскажешь мне все по порядку, и мы вместе поймем, что случилось, – произносит подруга мягко, садится на стул рядом и берет мою руку. – Врачи тоже могут ошибаться. Может, ты выпила какое-то средство от, скажем, боли? Оно и повлияло как-то не так. Всякое случается.

– Я не, – начинаю и зависаю, – ой, – перед глазами возникает стакан воды, заботливо поданный мне отцом Марка. – Да нет, быть такого не может! Или может? У меня все могло произойти из-за банального стресса, да? Диплом, ситуация с Марком, вот и не выдержал организм! А врач почему-то решила, что бывшая студентка непременно собиралась избавиться от ребенка. Подумала, что я как ее предыдущая пациентка, но это ведь не так. Не мог он мне что-то подсыпать! Это же совсем за гранью!

– Тшш, – успокаивающе произносит Маша, – давай ты мне расскажешь все от печки. И начнешь со вчерашней защиты диплома, хорошо?

Глава 5

Отрепшенно пересказываю Маше происшествия, и с каждым следующим словом мне становится страшнее. Ведь я чуть не потеряла свою кровиночку, о которой втайне мечтала с момента собственного совершеннолетия. Осознание произошедшего расцветает в моей голове, пока я рассказываю Маше полную предысторию.

– Подожди, твой Марк так и сказал, друзья и любовники? – перебивает меня подруга.

– Да, именно так, – киваю.

– Слушай, но я видела вас по видеосвязи, когда ты звонила, влюбленный взгляд невозможно подделать, я уверена. А он так трепетно смотрел на тебя, словно ты фарфоровая статуэтка, которую нужно оберегать, как высшую ценность, – не верит Маша.

– Я прекрасно помню, что он сказал! – раздражаюсь. – Я знаю, ты считаешь, что я перенервничала и так далее, но на тот момент я еще не нервничала!

– Хорошо–хорошо, успокойся, пожалуйста, – Маша поднимает руки в примирительном жесте, – а то меня выгонят из палаты, и будешь тут одна куковать. И я верю тебе, честно! Просто по собственному опыту знаю, что не всегда сказанное стоит воспринимать однозначно.

– Да тут явно нет никакого другого смысла.

– Ладно, а живот у девицы большой?

– Для меня большой, – продолжаю раздражаться, – точно не могу сказать, какой месяц, если ты об этом. Если сама дойду до ее этапа беременности, скажу!

– Тшш, милая, конечно, дойдешь, – Маша успокаивающе гладит меня по голове, – по-другому быть не может. Я всего лишь пытаюсь разобраться. Считай, что чутье подсказывает, что в моменте с Марком не все так однозначно, как видится. У них с Жанной все могло быть и до тебя. Он сказал, они хорошие друзья, а дружить можно с детства. Ты же с ним не так долго, хотя вы практически сразу съехались.

– Только потому, что полусумасшедшая старушка, у которой я снимала комнату, решила меня выгнать за три дня до конца оплаченного срока, – я краснею.

– Да, я помню ту историю, ты рассказывала. Она застала вас с Марком.

– Одетыми! – подчеркиваю.

Комплексы во мне процветают, до сих пор ужасно смущаюсь, вспоминая тот случай.

– Как скажешь, – соглашается Маша. – Это сейчас совсем неважно. Я к тому, что если бы у меня был друг, которого я знаю с детства, и мы бы с ним периодически спали, я бы тоже сказала, что мы прекрасные любовники в настоящем времени, даже если бы мы давно не спали. Понимаешь, куда я клоню?

– Понимаю, – отвечаю со вздохом. – Но твоя гипотеза не имеет доказательств, а у моей еще и его отец с фотографиями с совместного похода на УЗИ, – и тут у меня в голове что–то щелкает. – О нет, Маша, какая же я дура! Чуть сама не погубила ребенка! Я ведь еще в первый раз, после его чая, себя плохо почувствовала.

Мне становится еще хуже от осознания минувшей опасности. Воздуха не хватает, сердце колотится, а в висках стучит. Резко сажусь на кушетке, обмахиваясь руками.

– Ч–что такое, Мариночка? – Маша пугается моего наверняка бледного вида. – Давай выпьешь водички, и умоем тебя заодно, – она наливает немного в стакан и дает мне, а из бутылки мочит свою ладонь и протирает ею мое лицо и шею, – вот так, сейчас полегчает. Ты, главное, помни, нам волноваться нельзя, все что было, то прошло, и больше не придет.

– Не придет, – повторяю эхом, а потом трясую головой. – Да нет, Машуль, это как раз может прийти. Мне страшно, – хватаю ее за руку, – а вдруг отец Марка и сюда заявится, чтобы меня допить.

– Давай ты продолжишь рассказ в хронологической последовательности, а потом мы вместе с тобой сделаем выводы, хорошо? – ласково произносит Маша, продолжая обтирать меня водой.

– Хорошо, – киваю.

Напряжение немного отпускает, дышать становится легче. И страхи нужно прорабатывать, это я знаю не понаслышке. Обличив ужас, сидящий в душе, в произнесенные вслух слова, становится немного легче.

Больше Маша меня не перебивает, хотя я вижу, что ей хочется вставить комментарии и задать уточняющие вопросы. Или поделиться собственными догадками, как в случае Марка с Жанной. Но она дает мне закончить, а потом очень странно реагирует.

– Где твой телефон? Дай мне его! Срочно! – требует она, смотря на меня дикими глазами.

– Вон он, на тумбочке, – произношу недоуменно. – Но что ты хочешь?

Вопрос повисает в воздухе. Маша хватается мой мобильник, выключает его, а потом зачем-то достает сим-карту.

– Эх, плохо, что в современных моделях не вытащить аккумулятор, слитным делают корпус сволочи, – она качает головой. – Но ничего, симку мы тебе сразу сможем уничтожить, – Маша роется в своей сумке. – Сейчас, они у меня были где-то, – не успеваю спросить кто или что, как она вытаскивает маникюрные ножницы и перерезает мою несчастную сим-карту пополам. – Ура!

– И зачем это? – смотрю на нее в шоке.

Одно хорошо, тревога отошла на задний план. Удивление на поведение всегда разумной Маши затмило все остальное.

– Новую тебе купим. Я завтра приобрету, причем на свое имя. Марк ведь не знает мою фамилию?

– Нет, – качаю головой, – зачем.

– Незачем, – отрезает она. – Телефон жалко разбивать, но проверить не помешало бы. Мужу отнесу, пусть займется! А тебе принесу кнопочный, я его мелким иногда даю поиграть.

– Маша, зачем все это? Я могла просто заблокировать номера всей семьи Марка.

– Ага, а местоположение твое все равно можно вычислить! Да и этот Владислав Германович может снова воспользоваться услугами одного из твоих одноклассников. Нет, милая моя, – Маша качает головой, – мы не можем так рисковать.

И тут у меня в голове складывается цельная картинка. Дима был подослан.

Со стоном откидываюсь назад на подушки. Как далеко простирается коварство этого ужасного человека? Своему сыну он тоже способен навредить или нет?

– Слушай, а если он и Марка того, –обеспокоенно спрашиваю Машу.

– Нет, здоровье сына он точно не трогал, – она качает головой. – А про все остальное не знаю. Боюсь, трудно будет разобрать, где правда, а где искусная постановка. Да и не удастся. Теперь я тебе точно не позволю контактировать с Марком или с кем-то еще. Твой парень, может, и не такой плохой, от своей версии с Жанной я не отказываюсь, но его отец натурально опасен.

Глава 6

На следующий день я остаюсь одна. У Маши есть муж и двое маленьких детей, она не может нянчиться со мной сутки напролет.

И, наверное, только сейчас я понимаю, как одинока, как мне не хватает кого-то родного рядом. Еще недавно таким человеком был Марк. Стремительно ворвавшийся в мою жизнь, он быстро завоевал мое сердце. Мне кажется, наши отношения практически сразу переросли в ранг серьезных, минуя остальные стадии. Единство душ, как при соединении двух половинок, вот что я ощущала рядом с ним.

Он старше меня, его жизненный цикл уже миновал стадию студенчества, и я не знаю, возможно, я в нем искала поддержку, как в старшем товарище. Хотя я справлялась неплохо без семьи, никогда не позволяла себе хандрить, все же с огромной радостью оперлась на подставленное мужское плечо.

Ага, так оперлась, что сегодня с трудом заставляю себя не забаррикадироваться в палате от всяких непрошенных гостей. За каждым звуком в коридоре мне кажется, что идут по мою душу. По мне можно писать пособие «Как из невозмутимой девушки превратиться в нервную истеричку всего за два дня».

Заставляю себя не акцентироваться на страхах, усиленно подключаю логику. А она приходит к тому, что отец Марка, конечно, может узнать, что я попала в больницу, но тут он скорее всего решит, что его план удался, и успокоится. Если не придет лично в регистратуру узнавать про мое здоровье. Или где там про него узнают?

В фильмах в подобных случаях сотрудники больницы сначала посылают любопытствующих, ссылаясь на то, что данные могут быть выданы только близким родственникам, да и то не всегда. Но потом главный герой включает обаяние или «дает на лапу», или проникает в отделение под видом врача. Тоже неплохой вариант, кстати. И все тайное становится явным.

Если следовать таким рассуждениям, можно и дальше сходить с ума. Но все же я склоняюсь к мысли, что мы с Машей переборщили в театральности. Она вчера с этой симкой и телефоном, который забрала у меня, а я сегодня с прорабатыванием различных сценариев. Ведь если даже Владислав Германович и заявится, я могу поднять шум. В больнице всегда кто-то ходит, не везде же у него все куплены.

И тут у меня перед глазами возникают картинки из фильмов. Ночь. В больнице все спят. Пустынный коридор...

И далее по сценарию.

Трясу головой, прогоняя навязчивые мысли. Встаю с кровати и подхожу к окну. Нужно отвлечься. Если откровенно, лежать мне ужасно надоело, с трудом представляю себе, как женщин заставляют постоянно лежать на сохранении, или как там это у них проходит. Я пока не в теме, только предстоит вникать в волшебный мир беременяшек.

Одной...

Грусть отдает в сердце тупой болью, но я ее игнорирую. Между поиском правды, справедливости и прочего и безопасностью маленькой горошинки внутри меня, я выбираю второе. Хотя не будь я беременной, скорее всего пошла бы разбираться с Марком и его семейством. Есть у меня такая черта, слишком все в лоб люблю делать. А пора бы быть гибче и хитрее.

Но это все неважно. В одном отцу Марка можно сказать спасибо, как бы это извращенно не звучало. У многих девушек перестройка психики в сторону материнства идет медленно, даже после родов не все сразу понимают возникшую ответственность, а я моментально ее осознала. Горошинка еще столь крохотная, что ее и на уши толком не рассмотреть, лишь с пятой

недельки будет интереснее, как мне сказала врач, а она уже подвергается массированным атакам извне.

Но я больше не позволю. Кладу руку на свой живот и понимаю, что моя мечта осуществилась, я не буду больше одна. Только девять месяцев нужно быть настороже.

Тут резко открывается дверь, а у меня душа чуть в пятки не уходит.

Глава 7

– Маша! Твою налево, – ругаюсь на подругу, – ты с порога кричи, что это ты. Врачи с медсестрами так и делают, сразу начинают говорить, что им надо.

– Прости, – говорит она виновато, – не подумала. Сама тебя вчера настрашала, а теперь пугаю своим неожиданным появлением. Но у меня хорошие новости, твой телефон чист. Муж еще что-то там поставил или перепрошил, или еще что-то. В общем, я в этом не разбираюсь, но ему доверять можно. Держи, – она кладет мой смартфон на тумбочку, – сим-карту я приобрела, телефон свой вбила. А большего тебе не надо.

– Да, мамочка, – говорю, качая головой.

Номер Марка я наизусть знаю, но об этом предпочитаю не сообщать.

– Кстати, тебя обещают выписать в понедельник, – произносит Маша, едва не хлопая в ладоши.

– Шикарно. А почему не сегодня? Зачем держать меня на выходных? Насколько я знаю, здесь только дежурные врачи остаются. И я. Должна находиться в четырех стенах, – ворчу.

– Ничего, посидишь еще немного. Мне спокойнее, что ты под присмотром. На выходных нам надо будет еще к бабушке в село наведаться, а во вторник поедешь с нами домой.

– У Гены отпуск закончился? Так быстро? – спрашиваю, расстроившись. Незвестно, когда Маша в следующий раз приедет. – Подожди, в смысле с вами поеду? Зачем? У меня тут...

Пытаюсь понять, что именно у меня тут, а не могу.

– Вот и я о том же. Ничего тут у тебя нет. И никого, – говорит она жестко. – Да, Гену резко вызвали, не дают человеку отдохнуть. А насчет тебя – диплом защитила, ты уже специалист с высшим образованием. Квартира через месяц тоже, считай, исчезнет, да и ходят там всякие, как на проходной двор наведываются. А я не могу здесь оставаться, присматривать. Значит, на правах старшей забираю тебя с собой. Побудешь моим третьим ребенком.

– Нет, Маш, я не могу, – отнекиваюсь, – у тебя Гена, детки. Куда я к вам? Я буду обузой. У меня даже денег толком нет. Расслабила меня жизнь с Марком.

И что я буду есть уже через пару недель – неизвестно. О бытовых вопросах я подзабыла, зато они обо мне помнят. Нещадно бьют пыльным мешком по голове, чтобы прекратила от каждой тени шараться и подумала о важном.

Но Маше я этого, конечно, не говорю. Мне и без того ужасно неловко, человек приехал отдыхать, а оказался втянутым в чужие проблемы.

– Марин, – она кривится, – хватит, а? Посидишь с Ванькой и Катей, няней побудешь. Гена обещал найти тебе работу до декрета, ничего шикарного не жди, конечно, но сможешь гордо слезть с нашей шеи. Гена в курсе, так что про мужа не начинай, он не аргумент.

– Но, – произношу ошарашенно, не зная, что еще сказать.

Мозг, конечно, настаивает на том, чтобы соглашалась, не раздумывая. Это действительно выход. Если бы у меня были средства, я бы сама уехала в другой город. В этом я не могу быть спокойна за свое здоровье. Но денег у меня нет, и в это все упирается.

До Марка я подрабатывала, делая курсовые студентам, а тут расслабилась.

– Мариш, зачем оно тебе? Не высыпаясь, свое не доделываешь. Лучше занимайся собой и своей учебой, а на жизнь я зарабатываю, – говорил он мне.

И я с удовольствием погрузилась только в свою учебу. Глупая.

– Никаких но! – Маша возвращает меня в настоящее строгим окриком. – Я тебя здесь не оставляю. Хочешь, чтобы мать семейства извелась в переживаниях о тебе?! Терзала местную полицию и больницы, названивая им, если ты вдруг трубку не возьмешь? А так и будет!

– Ох, Маша, – качаю головой, опуская глаза. Все же излишняя тяга к театральности ей присуща. – Уговорила! Но как только мне удастся найти что-то подходящее на съем, я съеду! И работать готова, кем угодно. И уборщицей пойду.

– Нет, уборщицей я тебя сама не пушу. Беременность из-за нервной обстановки уже пострадала, а мы ее еще физическим трудом добьем. Ладно, в общем, решено! Не знаю, успею ли к твоей выписке, но ты сразу иди домой! Ни с кем не заговаривай и никого не впускай! Вещи собирай. Все уяснила? – сыплет Маша инструкциями.

– Все, – киваю, и у меня на лице расплзается счастливая улыбка. – Спасибо.

– Ой, да ладно, – она машет рукой, – ты бы для меня тоже самое сделала. Правда, тебе придется сидеть пять часов между двумя автомобильными креслами для детей. Но ты худенькая, втиснешься. Но к концу пути рискуешь перестать меня благодарить. И насчет вещей, возможно, придется дополнительно заказывать грузоперевозку. Я оплачу ее, не стесняйся.

– Маш, у меня будет одна сумка. Успокойся. Это ж я. Откуда б взяться куче вещей?

– Да, ты права, – подруга хмурится, вспоминая причину, по которой я осталась одна. – Но не будем о грустном. Инструкции я тебе дала. Планы обсудили. А теперь мне снова нужно бежать.

Маша поспешно обнимает меня и уходит. Вскоре я наблюдаю за ней из окна, она быстро шагает на остановку. И снова во мне просыпается грусть, но теперь у меня есть надежда.

Глава 8

Как Маша и говорила, меня выписывают в понедельник. Никаких новых напутствий кроме как встать на учет и не делать глупости, я не получаю.

– Сказано, молодая, – хмыкает врач, – организм все переработал.

Я предпочитаю промолчать. Постороннему человеку не объяснить перипетии моих последних дней.

Выхожу на улицу и с удовольствием вдыхаю свежий воздух. В выходные я не покидала палату, хотя могла. Но подспудный страх сопровождал меня, не давая вздохнуть спокойно. Да что уж там, он и сейчас не дает дышать полной грудью. Мне кажется, когда я уеду, только тогда смогу немного расслабиться.

Неспешно бреду, минуя остановку. Не сказать, что больница близко до дома, но я осознанно хочу пройти пешком, пусть даже это займет минут сорок. Маше я отчиталась о том, что выписалась. Больше никому сообщать о себе.

Лето нынче радует – щедро делится солнечными лучами, но не поджаривает до духоты. Эх, в нашей луже не искупаюсь, но да ладно. Может, и не стоит мне в теперешнем положении.

Незаметно дохожу до двора и окидываю его прощальным взглядом. Я быстро привязываюсь к месту, хотя мы с Марком жили здесь всего–ничего, я успела прикипеть. Прикипеть к этой старой лавочке, где любят сидеть старушки в свободное от сериалов время, к детской площадке, на которой кто–то постоянно катается на качелях, и к магазинчику за углом.

Вытираю набежавшую слезу и решительно поднимаюсь на свой этаж. Уже из–за ерунды нюни распускаю. Скучать по лавочке и магазину я буду! Бред.

Надеюсь, это все гормоны, а через девять, или сколько там осталось, месяцев мой мозг заработает в нормальном режиме. Хотя если не быть к себе слишком строгой, мне просто страшно переезжать. От того и к лавочкам прикипаю.

Резко взять и уйти в неизвестность – довольно рискованное мероприятие. Не сказать, что мне здесь есть что терять, но тем не менее в этом городе я ориентируюсь. И я имела планы на жизнь. А на новом месте ничего.

Но там Маша, и за это стоит зацепиться, как за единственный оставшийся в моей жизни якорь.

Вставляю ключ в дверь и поворачиваю в замке, и тут же не к месту вспоминаются фильмы, где героини открывали дверь, и с ними происходили нехорошие вещи. Трясу головой, прогоняя очередные глупости, и решительно тяну за ручку. Секунда... Другая... Большого бада–бума не происходит. Впрочем, как и маленького.

Качаю, головой ругая собственное воображение, и быстро юркаю внутрь квартиры. Интересно, Марк уже забрал свои вещи?

Но беглый осмотр говорит о том, что никого не было. Видимо, ему совсем не до меня. Ну и ладно.

Быстро бросаю вещи в спортивную сумку, долго думая, забирать ли подаренные матерью Марка комплекты, в итоге все же запикиваю и их. Как раз под завязочку.

Остается посуда, две книги и фоторамки. Их всего две, но на обеих изображены мы с Марком. Беру одну и всматриваюсь в его лицо. Счастливый. И действительно как будто любит меня.

Еще один бред. Воскрешаю в памяти Жанну и отставляю от себя фотографию. Пусть останутся ему, сам решит, что с ними делать. Или она решит, если они вместе.

Очень хочется поверить в теорию Маши, что все может быть не столь однозначно, но... Каков смысл? Он поверил клевету. Легко поверил, не усомнился, не захотел со мной разго-

варивать. А я приду и скажу: «Привет. Я беременна, а твой отец почти наверняка хотел избавиться от своего внука. Ах да, еще я подслушала ваш с Жанной разговор, просвети, пожалуйста, как давно вы спали вместе».

Хватаю одну из рамок и швыряю ее в стену. Она разбивается, разлетаются осколки, но мне все равно. Пускай сам тут убирает, ему квартиру сдавать хозяйке, не мне. Я завтра брошу ключи в почтовый ящик и больше никогда не увижу это место, в котором столь многое причиняет боль.

– Дзинь! – в дверь коротко звонят.

Испуганно вздрагиваю. Я помню об обещании, данном Маше, никому не открывать и так далее, но надо ведь хотя бы посмотреть, кто там. Может, пора кричать с окна «караул», привлекая внимание прохожих.

На цыпочках крадусь к дверному глазку, а звонят уже второй раз, снова заставляя меня вздрогнуть.

– Ольга Ивановна? – спрашиваю вслух, поняв, что там соседка.

– Мариночка, у вас все нормально? Я слышала, как в стену что-то ударилось, – отвечает женщина.

Качаю головой, это ж надо было забыть про тонкие перегородки и швырнуть рамку именно в стену соседки.

– Да, все хорошо, не волнуйтесь, – произношу, по-прежнему не открывая.

– Ладно. А то тебя тут мужчина искал, отцом твоего мальчика представился. Говорил, повздорили вы, и он пришел вас мирить. Заботливый такой.

– М-мужчина? – мой затылок охватывает липкий ужас. – А что вы ответили?

– Да нечего было отвечать, я ведь не видела тебя. Я тогда только с дачи вернулась, пропустила, видать.

– Видать, – повторяю глухо. – Спасибо вам, Ольга Ивановна, я разберусь, – говорю и уже отхожу от двери.

– А что у вас случилось? Из-за чего разругались? И где ты была? – кричит соседка, но я не реагирую.

Пусть мучается. В следующий раз, бедная, побоится на дачу мчаться, решит, пропустит чего-то важное, и посадки ее зачохнут.

– Марин! Он еще и телефон оставил! – последняя фраза пригвождает меня к месту. – Просил сообщить, как ты появишься. Даже коробку конфет пошел купил мне за хлопоты, представляешь?

Глава 9

– Представляю, – отвечаю глухо.

Сердце сразу беспокойно ускоряется, а я ругаю сама себя. Сейчас день, я предупреждена, никто мне ничего не сделает. Мне стоит научиться здраво оценивать возможную опасность, а не кидаться из одной крайности в другую.

– В общем, я набрала, но никто не ответил, – продолжает из-за двери соседка. – Ладно, ухожу, какая-то ты неприветливая сегодня.

Я всегда такая, но Ольге Ивановне не докажешь. Терпеть не могу старые дома именно из-за таких вот, псевдоучастливых соседей. Раньше приходилось улыбаться женщине и здороваться, обмениваясь ничего не значащими фразами, но сейчас мне это не к чему. Завтра я покину это место. Навсегда.

А потому не слушаю ворчания и удаляющиеся шаги соседки, ступаю на кухню. Я проголодалась, не помешало бы перекусить.

Стоп. Что она сказала? Позвонила, но трубку не взяли?

Вопреки моему твердому намерению держать себя в руках и не впадать в панику, именно в нее я и впадаю. Глубоко дышу, пытаюсь заставить свой мозг мыслить логически, а организм действовать разумно.

Желание позвонить Маше отметаю сразу. Можно сказать, усилием воли подавляю в зародыше. Она в семейной поездке изаслужила провести ее без моих проблем.

Больше звонить мне некому. Потому дальше подключаю логику.

Возможно, ничего не будет, ведь я не знаю, какой номер телефона отец Марка дал Ольге Ивановне. Если домашний или рабочий, там нет определителя, и он не узнает, что ему звонили. Но кто в наше время дает стационарный номер телефона для связи? Никто.

Идем дальше. Владислав Германович либо перезвонит, либо нет. Тут тоже могут быть вариации. Посмотрит на номер и не придет, отвлекшись на свои дела, либо все же придет. Понятия не имею, каков у него настрой. Но что-то мне подсказывает, что отец Марка, будучи человеком целеустремленным, все же захотел бы убедиться в том, что его действия сработали.

Здесь есть шанс сыграть в свою пользу. Записать наш разговор на телефон. Не факт, что он станет откровенничать, но может и расколоться, если вывести на эмоции. Но!

Как всегда, есть одно большое жирное но. Я должна быть максимально невозмутимой и уверенной в себе. А я морально и физически подавлена. Не время строить из себя крутую шпионку, тем более я и раньше ею не была. Нужно иметь в себе мужество спрятаться в раковине. Иногда проявление слабости помогает выиграть в сражении.

План рождается моментально. Переночую в какой-нибудь гостинице, главное, побыстрее выйти из дома от греха подальше. Вот только с деньгами у меня не очень, и если я сейчас еще и на гостиницу потрачусь... В хостел точно не пойду, мне нужно личное закрывающееся помещение, а не койко-место в общем блоке. Но как поступить с деньгами? Ведь я планировала экономить.

И тут мои глаза натыкаются на конверт, что так и лежит на кухонном столе, никем не тронутый. Хватаю его, не раздумывая. К черту гордость и прочие высокие идеалы. Сейчас не до них. Буду считать, что это моральная компенсация, которую мне все равно не выбить по справедливости. Я так и не заглядывала внутрь, но на гостиницу там точно хватит. А если Владислав Германович расщедрился, то и Машу не придется долго теснить.

С такими рассуждениями быстро кидаю оставшееся, что хотела с собой забрать, одеваю, надеваю рюкзак и вешаю сумку на плечо. Тяжеловато, но терпимо. Хотя в рекомендациях врача было не носить тяжести. Но у меня безвыходная ситуация, за один раз не сломаюсь.

Поворачиваю ключ и замираю. Секунда размышлений, и я поддаюсь внезапному порыву. Беру чистый лист и пишу на нем: «Я знаю, что вы сделали. Не стоит меня искать. Иначе информация станет достоянием общественности».

Перечитываю и удовлетворенно киваю самой себе. Коротко, с прямым намеком. Возможно, излишне самонадеянно и по-детски, но я не передумываю.

Вспоминается старый фильм ужасов с их фразой «Я знаю, что вы делали прошлым летом». Усмехаюсь на свое ребячество. Наверное, все же глупо, но решаю оставить лист на полу и выхожу из квартиры.

И кстати, после моего послания Владислав может решить, что у него точно все получилось. Вживую я почти наверняка проколюсь. Да и не к чему лишняя нервотрепка в моем положении.

Быстро спускаюсь по ступенькам, натягиваю кепку пониже и толкаю железную дверь подъезда. Спасибо этому дому, но мне пора в следующий. Ах да, забыла кинуть ключи в почтовый ящик. Резко разворачиваюсь и поднимаюсь по ступенькам.

Какой умник придумал разместить ящики повыше, очень не к месту в моем случае. Кидаю связку и на автомате заглядываю в окно, расположенное тут же сбоку. Во двор как раз заезжает большой черный внедорожник.

Вот черт. Такой же у отца Марка...

Глава 10

Мне бы бежать куда-то, но я стою, словно завороченная, смотрю, кто же выйдет из машины. А водитель, как назло, очень долго паркуется. Я уже теряю терпение, но тут выходит он.

Не Владислав Германович, и не Марк. Кто-то мне незнакомый. Ложная тревога. Можно выдохнуть и снова подумать о том, что моя паника преувеличена.

Тем не менее в квартиру не возвращаюсь, да и не смогла бы я уже. Ключи в почтовом ящике, а он закрыт. Только грубой силой открывать. Но в этом доме поставили на удивление крепкие дверцы и замки на почтовых ящиках, нахрапом, как в большинстве, не открыть.

С такими мирными рассуждениями выхожу-таки на улицу и тут же щурюсь от яркого солнца. Долго простояла в полутемном подъезде, и глазам больно, даже кепка не спасает.

Осматриваюсь, а идти-то я не знаю куда. Гостиницу ведь не выбрала. И топаю в итоге в кофейню, что расположена в соседнем доме. У нее крайне неудачное место с точки зрения людской проходимости и маркетинга, зато очень выгодное на данный момент для меня. Изнутри виден наш двор, а кто сидит внутри невидно. Окна зеркальные. Красота.

Со спокойной душой беру себе две булки и латте и усаживаюсь за единственным столиком. Моя сумка занимает чуть ли не половину крохотного помещения, но я не думаю, что кому-то помешаю. Достая телефон и принимаюсь за поиски адекватного места для ночлега.

Собственно, такое находится довольно быстро. Оставляю бронь и откидываюсь на спинку. Спешить некуда, просто наслаждаюсь напитком и скудным обедом. И тут мое внимание привлекает новое оживление во дворе.

– Марк?! – произношу одними губами и чуть ли не прилипаю к стеклу.

Да, это он, подходит к нашему подъезду, но как будто неохотно. Запрокидывает голову, видимо, рассматривая окна нашей квартиры, а потом все же заходит внутрь.

Несмотря на обиду и злость, которые я должна испытывать по отношению к нему, мое сердце сжимается от тоски. Я ужасно соскучилась и больше всего на свете хотела бы, чтобы все произошедшее в последние дни оказалось глупым розыгрышем. Все, кроме маленькой жемчужинки в моем животе. Ее я бы ни за что не отменила.

Главное, чтобы мы с Марком снова были вдвоем против всего остального мира. Чтобы он был моей опорой и поддержкой, моим щитом, моим мужским плечом.

Слеза скатывается по моей щеке и попадает в стакан с латте. Слишком я плаксивая. Еще немного и в таком ключе рассуждений отправлюсь вслед за Марком в подъезд вызывать того на откровенный разговор.

Усмехаюсь и качаю головой. Нет. Я не буду влезать в разборки этой семьи, она мне не по зубам. Лучше уж они сами по себе, а я сама по себе.

Ой! Записка для Владислава Германовича лежит на полу, но увидит ее не он, а его сын. Интересно, что Марк подумает? Свяжет со своим отцом или...?

В любом случае, для меня безопаснее досидеть здесь, пока Марк не выйдет обратно из подъезда, и нужно заказать такси в соседний двор. Жаль, прямо к кофейне машина не подъедет, все же расположение у нее не очень, как я и рассуждала.

Всего лишь через несколько минут выбегает Марк с листком в руке и с бешеными глазами. Быстро он понял, что я ушла и вряд ли вернусь.

С мазохистским наслаждением наблюдаю за ним из окна. Вот он берет телефон, кому-то набирает, а там, судя по всему, нет ответа.

Уж не мне ли названивает?

Все может быть. Любопытно небось, что я за ересь написала из разряда «я знаю, как вы провели лето». Злится, что не дозвонился, но ничего, ему полезно. Раньше–то вряд ли обо мне вспоминал. Все ему время нужно было, чтобы осмыслить, осознать, остыть. Как будто я в чем–то виновата.

Козел.

Но какой же он все–таки красивый и по–прежнему любимый. Но козел.

Женская логика бесподобна, тут без комментариев, они излишне.

А Марк, тем временем, делает новый звонок, и этот, кажется, удачный. Хм, интересно, кому в этот раз звонит. По губам я читать не умею, да и сомневаюсь, что кто–то на самом деле умеет, если честно. Все же сложно это.

Разговор явно проходит на повышенных тонах. Марк активно жестикулирует, что–то доказывая невидимому собеседнику. А потом, буквально на миг, его глаза встречаются с моими...

Испуганно отшатываюсь от окна. От побега в сию же секунду меня спасает лишь здравый смысл, который еще теплится в моей гормональной головушке. Марк не может меня видеть, это лишь совпадение, он смотрит на свое зеркальное отражение.

И правда, Марк отворачивается и продолжает жестикулировать, и что–то активно вещать по телефону. А у меня пиликает мой смартфон. Такси приехало.

– Извините, но вы не позволите воспользоваться вашим черным ходом? – обращаюсь к баристе. – Сумка тяжелая, такси приехало в тот двор, а в этом человек, с которым мне не хотелось бы встречаться.

Молодой человек бросает взгляд в окно и понимающе усмехается.

– Конечно, проходите, – открывает для меня дверь за своей спиной.

– Огромное вам спасибо, – благодарно улыбаюсь и покидаю это место, не оглядываясь.

Что будет дальше с Марком – не моя забота. Мне есть, о ком беспокоиться.

Глава 11

Выхожу в соседний двор, спускаюсь по ступенькам, а моей машины еще нет. Вечная привычка таксистов сообщать, что они подъехали, когда на самом деле нет. И все бы ничего, я подожду, погода прекрасная, да только кто-то хватает меня за руку немного повыше локтя.

Молча рассматриваю чужую руку, а потом поднимаю глаза на человека, которому она принадлежит.

– Владислав Германович, – произношу на удивление спокойным тоном, внутри-то у меня бушует ураган из целого коктейля эмоций, – не могли бы вы отпустить меня.

Он с секунду смотрит, словно оценивает, а потом все же отпускает и делает шаг назад.

– Конечно, Мариночка, – он поднимает перед собой ладони. – Я лишь беспокоился, как бы ты не упала, сумка такая тяжелая, а несешь ее одна в твоём-то положении.

– В каком моем положении, Владислав Германович? – спрашиваю, не сводя глаз с лица мужчины.

Он снова медлит с ответом, изучает меня в ответ.

– В интересном, я полагаю, – отвечает отец Марка.

– Интересно вы полагаете.

Не знаю, сколько бы мы так стояли, да только таксист, наконец, заезжает-таки во двор.

– Девушка, вы заказывали машинку? – приветливо спрашивает парень, опуская стекло. – Здравствуйте, – говоритон Владиславу Германовичу, но тот лишь бросает презрительный взгляд на водителя.

– Да, я, – порываюсь пройти к автомобилю, но путь преграждает отец Марка. – Пропустите, – говорю ему твердо, – вы же не будете что-то делать на людях.

– А разве я что-то делал? – спрашивает, прищурившись.

– Вы знаете ответ, – произношу тихо. – Кстати, эффект был.

Он выгибает бровь и таки отходит в сторону.

– А ты уезжаешь, да? Покидаешь нас? – спрашивает с усмешкой.

– Не думаю, что меня здесь что-то держит, – говорю, подходя к машине.

Водитель открывает багажник, ставлю сумку и дрожащей рукой дергаю дверь.

– Тогда счастливого пути, – улыбается Владислав Германович.

Я ничего не отвечаю, залезаю внутрь и захлопываю дверь, а потом ее еще и блокирую. Водитель начинает сдавать назад, здесь не развернуться, а я лишь молюсь про себя, чтобы поскорее скрыться с глаз ненавистного мужчины, который, кажется, вот-вот прожёт дыру в автомобиле.

И, кстати, выходит, не с ним прямо сейчас разговаривает Марк, а я-то думала. Но тут Владислав Германович достает из кармана мобильник и отвечает на него. И мрачнеет на глазах, и с яростью смотрит на меня.

А теперь, кажется, с ним.

– Пожалуйста, не могли бы вы побыстрее! – молю водителя.

Страх и паника липкими щупальцами завоевывают все мое естество.

– Да, да, мы уже, не волнуйтесь, – жизнерадостно восклицает парень, ему невдомек о моих внутренних демонах.

И тут у меня звонит телефон. Вздрагиваю. Черт бы побрал мобильники, они наше спасение и наше же проклятие.

Трясущимися руками вытаскиваю телефон из сумки и смотрю на дисплей. Маша. Хвала небесам!

– Алло, – отвечаю слабым голосом.

– Мариночка, здравствуй, мы приехали, я к тебе зайду? – весело щебечет подруга.

– Нет! – кричу так, что водитель дергает руль. – Простите, пожалуйста, – произношу виновато. – Не надо, Маш, я не дома, я ушла и больше не вернусь туда.

– Так, – в трубке наступает провисание, – и где же ты сейчас?

– В такси. Еду в гостиницу, – отвечаю послушно.

– С ума сошла! – теперь кричит подруга. – Дуй к нам, ненормальная. Я не собираюсь всю ночь тебя где-то караулить. И нам удобно, не делай мозги. Гена сам предлагал тебя сразу сюда, чтобы с утра пораньше выехать, не тратить время на заезд за тобой.

– Да, – радостно киваю, позабыв, что Маша меня не видит, – я еду.

Страху и панике приходится убирать обратно свои щупальца. Теперь остается лишь доехать. Прошу парня скорректировать адрес. Он, к счастью, не ругается, ведь я еще предлагаю сверху доплатить.

А я все еще напряжена, постоянно оглядываюсь назад, высматривая черный внедорожник Владислава Германовича. Вряд ли он пешком передвигался, наверное, просто оставил где-то за углом. И теперь мне кажется, что он обязательно должен за мной проследить.

Но мы заезжаем в Машин двор, я крайне медленно расплачиваюсь с водителем, озираясь по сторонам, но никакая другая машина не подъезжает. Наконец, набираюсь храбрости и чуть ли не бегом мчу к подъездной двери, забрав сумку из багажника. Секунда–другая, приезжает лифт.

«Еще немного», – твержу я себе, – «еще совсем немного».

Маша открывает дверь, и я с облегчением бросаюсь в ее объятия.

Спасена. Теперь со мной все будет хорошо. Плохую страницу книги я перевернула, дальше будет светлее и радостнее.

Глава 12

Наше время

Утро не задается с самого начала. Омлет пригорел, солонка упала, и соль из нее разлетелась по всему полу. Я не суеверная, но осадок остался. Вдобавок близнецы сломали полку в шкафу. А квартира у нас, между прочим, съемная.

– Света, Костя, идемте, пора в садик, – произношу устало.

– Да, мамочка.

– Конечно, мамочка.

Они всегда такие милые после того, как нашкодничают. А шкодничают они часто. Многие удивляются, как я справляюсь одна с двумя детьми. Они просто не знают, что с пятилетними гораздо легче, чем с грудными.

Передаю детей воспитательнице, а сама бегу на работу. Опоздания не миновать, а там и штраф могут выписать. Начальник у меня строгий.

В итоге буквально на последних секундах влетаю через турникет, на ходу прикладывая свой пропуск.

– Успела, – самодовольно говорю охраннику и уже в спокойном темпе подхожу к лифту.

С легкой паникой представляю, сколько меня ждет работы, но ничего не поделаешь. Нужно платить за квартиру и растить близнецов. Спасибо, Маша до сих пор помогает нам, не бросает. Ее погодки старше моих на два и три года. И их одежда частенько достается нам по наследству.

С мечтательной улыбкой на губах думаю об единственном близком человеке кроме детей и не замечаю, как врезаюсь в спину...

– Глеб Викторович, доброе утро, – здороваюсь с начальником.

– Марина, сколько можно опаздывать? Не у вас одной дети, но остальные сотрудники на своих местах.

Обвожу взглядом наш опен-эйр. Так и есть, я самая последняя, только и дети у остальных, в основном, подростки, которые сами добираются, куда им надо. Но свои рассуждения я оставляю при себе.

– Извиняюсь, Глеб Викторович, – киваю, – позвольте приступить к работе?

Он лишь закатывает глаза и уходит.

Копирую его мимику и дохожу – таки до своего стола. Так и есть, он весь завален бумагами, которые мне предстоит сортировать, отправлять дальше, бегать за подписью и так далее.

Обязанности у меня прямо скажем малоинтеллектуальные. Но платят здесь очень хорошо, потому и держусь.

Беременную выпускницу никуда не хотели брать, снова Маша с Геной похлопотали и устроили меня сюда. Я была ужасно счастлива. Ведь даже декретные получила в итоге. Мизер, конечно, но все же.

И теперь бы двигаться дальше по карьерной лестнице, но никому я не нужна. Образование хорошее, а опыт совсем нехороший.

– Марина, зайдите ко мне, пожалуйста, – раздается по селектору.

Вздрагиваю. Снова Глеб Викторович. И что ему понадобилось?

Но начальство злить ни к чему, оно само найдет повод. И я тороплюсь в кабинет.

– Вызывали? – захожу и скромно топчусь возле двери.

– Да. Присядьте, пожалуйста, – Глеб Викторович показывает рукой на стул.

На другом сидит молоденькая девушка, вчерашняя студентка, должно быть, а рядом с начальником стоит Дарья Васильевна из отдела кадров.

– Что-то случилось? – компания настораживает.

– Нет, Марина, просто вам придется уволиться, – выдает Глеб Викторович без лишних предисловий, а потом быстро добавляет. – Две недели можете не отрабатывать, закончите сегодня же. Дарья Васильевна позаботится, и вам выплатят двойные отпускные в качестве компенсации, так сказать.

Сию, как громом пораженная. Мне за квартиру платить через три дня, у близнецов обуви на весну совсем нет, да и из курток они выросли. А тут – увольнение.

– С чего такое решение? – спрашиваю, едва сдерживаясь, чтобы не кричать.

– Вам тесно на этом месте, я же вижу, нужно что-то новое, расти. Мы приняли вас, когда у вас были трудности, долг Геннадию Петровичу уплачен. Больше пяти лет исправно с вами сотрудничаем, в декрете не бросили, на полставки оформляли, когда вы дома должны были по закону сидеть. Я считаю, хватит. Мне нужно племянницу устраивать, – Глеб Викторович бросает мимолетный взгляд в сторону девушки, занимающей второй стул. – Она только с института, ваша должность – самое то для нее. А вам расти, Марина, надо, расти. Считайте, мы делаем вам еще одно одолжение.

Я бы могла много чего сказать. Я бы могла вспомнить все мои права, которые они нарушают. Я бы могла пообещать им судебные разбирательства и всяческие кары. Но вместо этого...

– Хорошо, я вас услышала, – произношу, понутив голову, и выхожу из кабинета.

Прошлая я обязательно расшумелась бы. Тяга к справедливости раньше была сильна во мне. Но с беременностью я повзрослела и поняла, что справедливость у каждого своя.

Да и по-прежнему где-то в глубине меня прячется оптимист, который не устает верить, что все, что ни случается, к лучшему. И я ему верю. А как иначе?

По крайней мере, Глеб Викторович прямо сказал, операцию по увольнению быстро провел. Не выживал, организовывая нервную обстановку.

Возвращаюсь домой раньше обычного и застаю в квартире хозяйку. Она методично осматривает наши вещи.

– Гхм, что-то потеряли? – спрашиваю, справляясь с потерей речи от удивления.

– Мариночка! – женщина чуть ли не подпрыгивает. – Не ожидала увидеть тебя, только три часа.

– С работы отпустили, – поясняю флегматично. – Вы объяснитесь?

Она с секунду мнетя, а потом заговаривает.

– Хм, что ж, так даже лучше. Тебе придется съехать. Я на вас мало зарабатываю, гораздо выгоднее пустить сюда студентов и брать с каждого почти, как с тебя одной. Заработок вырастет в полтора–два раза в итоге.

Глава 13

Стою, смотрю на женщину в немом шоке.

– Вы это сейчас серьезно? – спрашиваю, наклоняя голову вбок.

– Абсолютно, – отвечает хозяйка, подбоченившись. – Имею право! – добавляет она, высоко задрав подбородок.

– Позвольте напомнить, – начинаю обманчиво спокойным голосом, – у нас с вами договор, который мы продлили всего два месяца назад. Знаете, что это значит?

– Ха, – она машет рукой, – договор ведь больше бумажка.

– Нет, Инесса Леонидовна, договор – это не просто бумажка, – качаю головой, – это документ!

Буквально рвяю последнее слово. Противная женщина испуганно подпрыгивает. Она впервые видит меня в подобном настроении, но довели, честное слово.

Сначала на работе «обрадовали», теперь эта явилась, не запылилась. Нашли девочку для битья, благодетели чертовы. Выпрямляюсь теперь я.

– Э, Марина? – Инесса вопросительно выгибает бровь. – У тебя все нормально?

– Какая разница, вас ведь это на самом деле не волнует, – вздыхаю. – В общем так поступим. Мы съезжаем, но не раньше последнего оплаченного дня.

– Конечно–конечно, я все понимаю, – суетливо перебивает меня хозяйка квартиры.

– Я не договорила, – повышаю голос.

Мымра в своем праве нас выселить, держаться за место смысла нет. Но кое–что я могу с нее стребовать.

– Да–да, Мариночка, слушаю, – кивает участливо Инесса.

На миг я даже проникаюсь ее положением. У нее на шее вечно безработный великовозрастный сын. А дочка недавно развелась и осталась с двумя мальчишками.

Аргх. Порой хочется надавать себе по щекам. До меня ей дела нет. У меня двое пятилеток, которые сами о себе не позаботятся при всем желании. А у нее взрослые отпрыски, давно должны помогать матери, а не наоборот.

– Вы полностью возвращаете мне залог, – чеканю каждое слово. – На этом все. И попрошу, пока мы здесь, не врываться в квартиру в наше отсутствие. Я, может, по–вашему бесправная квартирантка, но заявить о пропаже чего–либо и я могу.

Инесса Леонидовна меняется на глазах. Ее лицо покрывается красными пятнами, а сама она судорожно хватается ртом воздух.

Н–да, кажется, переборщила. Но уже ничего не поделаешь.

Правда, она и меня может в чем–то обвинить.

Ой, так вообще только в раковине всю жизнь и сидеть, бояться рот открывать.

– Это оскорбительно, девочка, – она поджигает губы. – Кто тебя так воспитывал?!

– Их уже нет, – обрываю жестко. – Но я по крайней мере не сижу ни на чьей шее, работаю и сама содержу, и воспитываю детей. И даже без алиментов!

– А это ты зря, – внезапно спокойно произносит Инесса, – алименты – вещь хорошая. Вечно мы так, – она проходит и присаживается на пуфик, – гордых из себя корчим, все сами и сами. А эти разгильдяи живут себе припеваючи. Нет, девочка, на алименты подай, мой тебе совет. Не повторяй мои ошибки. А насчет залога – договорились. Со студентов двойную сумму сдеру, их родители похлопочут ради комфорта ненаглядных чад, – Инесса снова поднимается на ноги. – Пойду я. За малышкой тебе, наверное, скоро пора. А потом собирайтесь спокойно, не потревожу.

И она уходит, а я даже не прощаюсь от изумления.

С реакцией у меня сегодня откровенно плохо.

Ладно. Часть денег в бюджете я себе требовала. Неплохо, но проблему не решает. Сажусь теперь я на пуфик и прячу лицо в ладонях, позволяя себе на несколько минут побыть слабой и выплеснуть обиду, пока никто не видит.

Глава 14

На следующий день отвожу детей в сад, чтобы самой приняться за работу. Давненько у меня не было стресса под названием переезд. Фактически, в новом городе вообще не было. Как я въехала в эту квартиру беременная, так и жила в ней до нынешнего времени.

– Мамоchка, как так? Где мы будем жить? И садик как же? – спросила меня Света, когда я рассказала детям новости.

– Да, и как твоя работа? Тебе ведь удобно именно здесь нас туда–сюда водить, – добавил Костя.

С моими умными рассудительными детьми пришлось сразу признаться в том, что мама теперь и безработная вдобавок. Я–то собиралась малодушно промолчать, найти что–то новое сначала.

– А у мамы больше нет работы, детки, – сказала я тогда с вымученной улыбкой. – Но вы не переживайте, мне хорошо заплатили, на первое время хватит.

Мои кнопочки, к счастью, промолчали. Но в их глазах читалось слишком уж взрослое понимание.

Осматриваю фронт работы, выныривая из своих мыслей, и пребываю в тихом шоке. Вещей у нас скопилось за прошедшее время даже слишком много. И что мне со всем этим богатством делать?

Вспоминаю, как въезжала в квартиру с одной спортивной сумкой и моим несменяемым портфелем. Вот было время, а! Правда, я довольно быстро обросла кучей вещей и даже мебелью.

Маша с Геной подарили детские кроватки, хотя я отнекивалась до последнего. И так прибилась к их семье, как бедная родственница, но они все же одарили близнецов всем необходимым.

– Маша, да не надо, я собиралась взять деньги Владислава Германовича на обустройство, – сопротивлялась я тогда.

– Нет, – покачала головой подруга, – те деньги ты уже тратишь на съем квартиры, хотя мы тебя не прогоняли. Если там еще осталось, лучше побереги на непредвиденные расходы.

Приберегла. Возможно, придется снова воспользоваться.

Присаживаюсь отдохнуть и открываю сайт с объявлениями. Это, конечно, тот еще квест, найти постоянное жилье за три дня. А, нет, за два. Надо ведь еще успеть перевезти вещи.

Со стоном откидываюсь на спинку дивана. Мои дети растут в этом районе, они не знают никакого больше дома, и теперь мы должны куда–то деваться. А в нашем районе ничего подходящего прямо сейчас не сдается, придется ездить в садик. И где будет моя новая работа – вообще непонятно.

Ааа! Как все не вовремя.

Продолжаю себя жалеть, но тут у меня звонит телефон, отвечаю не глядя.

– Мариночка, здравствуй, как вы там? Давно не созванивались.

Это Маша. А я не говорила Маше про увольнение и Инессу.

– Машуня, привет, – натягиваю на лицо улыбку, – да у нас все, как обычно, близнецы в саду, а я вся в делах, – и ведь даже не лгу. – Ты лучше Расскажи, как ты? Животик, поди, уже совсем большой? – перевожу тему.

– Растет, да. Мне кажется, у меня первые две беременности живот был меньше, чем сейчас. На узи постоянно спрашиваю, точно ли там не двойня, – отвечает подруга. – Ты на работе? Что–то слишком тихо.

– Так я отошла в уборную, – ляпаю первую попавшуюся оговорку, – в общем кабинете нормально не поговорить.

– Да–да, действительно, – отвечает Маша, – только ты мне зубы не заговаривай, я знаю, что тебя вчера уволили. Твой начальник потрудились лично известить Гену, чтобы не было обид. Почему не сказала?

– Почему, почему, да потому. Не хотела тебя грузить. Беременным волноваться вредно, – говорю погрустневшим голосом. – Да и сколько можно, ты постоянно мне сопلي утираешь. Должна же я сама решать свои проблемы.

Жизнерадостность можно больше не проявлять.

– И решаешь. Близнецам пять лет уже, ты за это время ни разу не садилась нам с Геной на шею, – произносит подруга с улыбкой. – Ну правда, Мариш, все ж нормально. Я не собиралась тебя тут же устраивать на другую работу, ты не думай. У меня и вариантов–то нет. Я тебя хотела пригласить к нам погостить. Вдруг тебе понравится другой город и останешься тут. Что тебя в конце концов держит? А я скучаю.

Примерно год как Гена по работе отправился развивать филиал фирмы и перевез с собой все свое семейство. А я с Костей и Светой осталась здесь. Между мной и Машей теперь какая–то сотня километров, но ты попробуй ее преодолей, когда будние вопросы никогда не заканчиваются.

– Я тоже скучаю, – тяжело вздыхаю. – И дети соскучились по твоим. И квартиру я все равно не могу тут найти. А поедем–как мы действительно к вам! Говорят, уровень образования у вас лучше, чем здесь. Пора мне об этом задуматься.

– Отлично! – радуется Маша. – Стоп. В смысле квартиру не можешь найти? Инесса вас выгоняет?

– Да какая уже разница, Машунь. Ты лучше жди гостей. Еще ты выгонять нас будешь, когда надоедим, – говорю воодушевленно и отключаюсь.

Вечно я откуда–то сбегаю, но в этот раз, к счастью, без липкого страха преследования.

Глава 15

Новость о поездке Маше мои кнопки воспринимают с воодушевлением.

– Это что же, и садика не будет? – затаив дыхание, уточняет Света.

– И ужасной каши с комочками вместе с криками Оксаны Петровны? – вторит ей Костя.

– У нас будут настоящие каникулы с Леной и Пашей?

Для моих детей Машины ребята кто-то вроде близких родственников, впрочем, как и Маша с Геной.

– На все вопросы ответ положительный, – произношу с улыбкой.

– Ура!!! – кричат они синхронно.

А я просто стою и наполняюсь счастьем от искренней радости детей.

Наступает день икс, и я критично осматриваю теперь уже точно не нашу квартиру. Часть мебели и вещей удалось удачно продать через сайт. Из детских кроватей мои кнопки давно выросли, но у меня все никак не доходили руки до разхламления квартиры. Впрочем, как и до того, чтобы отдать их маленькие вещи.

С легкой ностальгией и теплотой внутри я рассматривала крохотные ползуночки и распашонки вместе с яркими смешными комбинезончиками с заячьими ушками на капюшонах, пока разгребала верхние полки шкафов. Сейчас уже не верилось, что Света с Костиком могли вписаться в эти вещи, однако ж так и было.

Если честно, скрепя сердцем, собирала их маленькие вещи, так не хотелось их отдавать кому-то. Как будто что-то от сердца отнимала. Но все это, конечно, глупости. Незачем цепляться за прошлое. У нас все хорошо в настоящем. Да и два дополнительных объемных пакета с собой тащить – то еще удовольствие. Мой здравый смысл припомнил бы мне все, когда мы с детьми сели бы в электричку.

И в итоге, оставив несколько наиболее памятных вещичек, я все же отдала остальные вместе с детскими приамбасами и игрушками. Тому, кому нужнее. Девушка, которая пришла за ними, светила искренней радостью, рассматривая одежду.

– Вещи изначально очень хорошего качества, потому до сих пор прилично выглядят, как вы видите, – заметила я тогда, немного смущаясь.

Девушка ответила не сразу, все любовно перебирала одежду пальчиками.

– Спасибо, – наконец она подняла на меня глаза, полные счастья, – вы даже не представляете, как спасли нас с детьми. Их отец от нас отвернулся, все родственники, и его, и мои, тоже. Я думала, они придут хотя бы на выписку, но, – она сделала паузу сглатывая, – нет. Мы уже неделю, как дома, а для остальных словно не существуем. Упросила соседку присмотреть за моими ребятками, пока к вам схожу. Сколько с меня?

Ее откровение неприятно резануло по мне, задев что-то давно спрятанное в душе под семью печатями. Нечто запретное и слишком ненужное для собственного равновесия.

– Ничего не надо, – ответила ей металлическим голосом, – просто забирайте.

– Но как же? Так нельзя. Вы ведь тоже одна, – растерянно пролепетала девица.

Одна...

Как же больно мне сделало это крохотное слово. Одновременно с ним в сердце напирала целая куча игл, которые с особым рвением моментально впились в броню, которую я выстроила собственноручно еще пять лет назад, а теперь какая-то случайная девушка так легко ее разрушала.

– С чего вы взяли? – одарила я ее презрительным взглядом. – Я не одна! – вздернула подбородок, произнося сердито. – У меня есть мои кровиночки. И вам советую не забывать об этом.

Взяла пакеты и сунула их девушке, и буквально вытолкнула ее за дверь.

Потом очень хотелось поплакать, чисто по-женски порыдать, некрасиво размазывая слезы по щекам, подвывая в тон всхлипам. А еще обнять себя и пожалеть.

Я лишь обняла себя. Подошла к открытому окну, вдохнула свежий воздух и попыталась снова восстановить свою броню.

Но все это было вчера. А сегодня у нас Инесса и вокзал.

– Мариночка, привет, – легка на помине, сама хозяйка заходит в квартиру, открывая собственными ключами. Перед глазами встает сцена, как я ее здесь застала без нас. А ведь это мог быть далеко не единственный раз. Трясу головой. Это уже в прошлом. Нас ждет, к счастью, иное будущее. – Собрались, котятки?

Она смотрит на моих детей с притворной лаской, а меня передергивает. Я верю в сглаз, и чисто интуитивно делаю шаг вперед, закрывая собой Свету и Костика.

– Да, все хорошо. Принимайте квартиру, и мы пойдем, – произношу прохладно.

Глава 16

Я подспудно ожидаю какого-то подвоха от Инессы. Не знаю, почему. Наверное, потому что она нас пять лет не беспокоила, а тут вскрылись ее тайные блуждания в квартиру без спроса. В общем, теперь я не могу положительно относиться к ней.

– Ладно, Мариночка, вроде все хорошо, – произносит женщина после тщательного осмотра каждого угла. К счастью, я пригласила ее с большим запасом по времени до нашей электрички. – Но если что, я позвоню.

– Не стоит, – обрываю резко. – Мы уезжаем в другой город. И вы лучше акт подпишите о приемке квартиры, – показываю глазами на два листка, лежащие на тумбочке. – Обменяемся бумагой о том, что не имеем претензий друг к другу.

Инесса на миг меняется в лице, но все же берет ручку и начинает читать.

– О, тут еще и про залог, – говорит она удивленно.

– Конечно. – соглашаюсь. – Мало ли, забудете о нашей договоренности, решите, что зря возвращаете его мне.

– Ладно, будь по-твоему, – скрипя зубами, отвечает Инесса и ставит-таки подпись. – Держи.

– Спасибо, – забираю свой экземпляр, ослепительно улыбаясь, – а это вам, – кладу на тумбочку свой комплект ключей. – Идемте, дети, нам пора.

Такси быстро мчит нас по полупустому городу. Воскресенье, люди предпочитают отдыхать, а не разъезжать по улицам.

Помимо воли вспоминаю, как похожее такси везло меня к Маше, чтобы сбежать, как колотилось мое сердце от страха при виде Владислава Германовича. И вздрагиваю.

И вот мы уже на месте. Слишком рано, к сожалению. Но ничего не поделаешь.

– Костя, Света, не теряемся! Я вас очень прошу. Я не могу с двумя чемоданами еще и за вами бегать.

– Да, мама, – говорят они, синхронно понутив голову.

Небось уже хотели вытворить что-нибудь эдакое, да совесть теперь не позволит. Я надеюсь.

– Давайте я лучше куплю вам мороженое, – тереблю их по голове, подходя к киоску, и тут мое боковое зрение выхватывает мужчину.

Он стоит вдалеке в элегантном темно-сером пиджаке, а на его плечи небрежно накинут черный шелковый шарф. Он довольно далеко от нас, но я в состоянии оценить стоимость его одежды. Жизнь под одной крышей с родителями Марка научила меня безошибочно определять такие вещи.

Перевожу взгляд выше, на голову мужчины. Аккуратная прическа, а волосы уже тронуты сединой. Но смотрится это совсем не ужасно, скорее наоборот. Совсем как у...

В висках начинает стучать, а из легких кто-то резко выкачивает весь воздух. Слишком чужой персонаж для обычного вокзала, слишком похожий на... Владислава Германовича.

– Девушка, что вам, говорю? – из ступора меня выводит продавщица. – Плохо тебе, что ль? Душно у нас тут, народа тьма. Сейчас я тебе водички холодненькой продам.

Она сует в мои и без того ледяные от безотчетного страха пальцы такую же по температуре бутылку. Это прикосновение неожиданно отрезвляет.

– С-спасибо, – произношу вмиг охрипшим голосом. – Еще два мороженого в стаканчике, пожалуйста.

Оборачиваюсь в сторону незнакомца, пока продавщица достает нужное, а его и след простыл. Испытываю одновременно и облегчение, и еще большее волнение по этому поводу.

Если мне всего лишь показалось, ведь я только сегодня мельком вспоминала свой прежний переезд, то ладно. Но если это был и вправду отец Марка, то лучше бы точно знать его местонахождение, дабы ни в коем случае не пересечься.

– Мамуль, ты чего? – спрашивают дети, поедая мороженое на скамейке. – Зависла чего-то. Ты б себе тоже сладенького купила, настроение поднимает.

– Спасибо, мне и так хорошо, – через силу улыбаюсь им, делая глоток воды.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.